

Американский гегемонизм как современный «центр силы»

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы политического доминирования США как глобального «центра силы», промежуточного между империей и гегемонией. Формирование «Нового порядка» в форме глобализации, получившего наименование «Новый американский век», стало итогом исторической динамики территориального смещения «центров силы», которая методологически выявляется в рамках концепции «пространственной фиксации». Американское лидерство уникально потому, что впервые в истории возник проект целиком однополярного мира с претензией на глобальное влияние. В основании американского проекта лежит модель «государства-предприятия», которая бросает вызов европейской модели развития в форме «национального государства». Американская модель формирует новый тип лидерства, который реализует синтез функций идеологии и экономики на предприятии. Ведущими структурами в обществе становятся медиапредприятия. Появляется специфическая фигура интеллектуала – «комменеджер», объединяющего сферы коммуникации и менеджмента. Новая мировая гегемония выстраивает собственную инфраструктуру – инфраструктуру «глобального информационного общества», которая продуцирует новый тип политики – «ноополитику», или «войну знаний», «информационную войну». Ведущим принципом доктрины гегемонии становится «глобальное информационное доминирование», которое переносит акцент с материального господства на гегемонию в политической культуре и через политическую культуру и оформляется в форме дискурса «морального водительства и превосходства». В настоящее время начался процесс смены вех «пространственного закрепления», который подрывает основы американского господства. Формируются новые «центры силы» в разных регионах мира. На роль «центров мирового развития» претендуют также Китай и Россия, которые оказываются в фокусе геополитического противостояния.

Ключевые слова: гегемония, империя, «центр силы», глобализация, «государство-предприятие», «национальное государство», информационное общество.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6774-7203>

Цитирование: Спиридонова В.И. (2019) Американский гегемонизм как современный «центр силы» // Философские науки. 2019. Т. 62. № 1. С. 48–66.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

American Hegemony as a New “Center of Power”

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Original research paper

Abstract

The article discusses the problems of political domination of the United States as a global “center of power,” which is an intermediate condition between the empire and hegemony. The modern New Order in the form of globalization is the result of historical dynamics of territorial displacement of “centers of power.” This dynamics is methodologically revealed within the framework of the concept of “space fixation.” American leadership is unique. For the first time in the history a project of totally unipolar world is implemented. At the base of the American project is the “enterprise-state” model. The “enterprise-state” model is intended to replace the European model of development in the form of a “nation-state.” The American model generates a new type of leadership, which embodies the synthesis of the functions of ideology and economy in the enterprise. Media enterprises are becoming the leading structures in the society. The peculiar figure of an intellectual-“commanager” appears. It combines two areas, of communication and of management. The worldwide hegemony is building its own infrastructure that is the “global information society,” which produces a new type of policy – “noopolitics,” or “war of knowledge,” “information war.” The leading principle of the new perception of hegemony is “global information domination.” It shifts the focus from material domination to hege-

mony in political culture and through political culture. It takes the form of a discourse of “moral leadership and superiority.” The “milestones’ changing” in the process of “space fixation” has been starting now. It undermines the basis of American global superiority. New “centers of power” are emerging in different regions of the world. The status of the “centers of global development” is also claimed by China and Russia, which are in the midst of a geopolitical confrontation.

Keywords: hegemony, empire, center of power, globalization, enterprise-state, nation-state, information society

Valeria Spiridonova – D.Sc in Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0002-6774-7203>

Citation: Spiridonova V.I. (2019) American Hegemony as a New “Center of Power.” *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, no. 1, pp. 48–66.

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-1-48-66

Введение

Парадигма Нового мирового порядка, победоносно шествовавшая по миру с 90-х годов XX в., переживает бесспорный кризис. Фактически речь идет о начале заката гегемонии Америки после Второй мировой войны, достигшей своего апогея в постсоветский период. Однако поскольку процесс далеко не завершен, существуют разные варианты интерпретации как условий возникновения данного феномена, так и конкретных его характеристик. При этом присутствуют попытки понять существующее положение дел в классических категориях империи и империализма, выдвигаются новые толкования теории гегемонии А. Грамши применительно к «Новому американскому веку», а также возникает ряд нетривиальных трактовок, которые предлагают в качестве инструмента исследования идею перманентного смещения глобального «центра силы». Концепция «центров силы» позволяет оценить долговременные параметры развития мировой системы, актуализируя философско-исторический ракурс проблемы, что предоставляет потенциальную возможность увидеть перспективы эволюции мира. В то же время эта теория не отказывается от дискурсов империи и гегемонии, а претендует на преемственное дополнение их положений. Она выдвигает тем самым достаточно целостную

картину тектонических геополитических сдвигов и очерчивает тенденции грядущего глобального движения.

Смещение «центров силы»

По свидетельству многих западных исследователей с конца 1970-х годов XX в. в западной и главным образом в американской политологической литературе стал все чаще появляться дискурс империи и империализма [Joxe 2002; Guerlain 2007; Steinmetz 2008; Vaicbourdt 2012]. В научном сообществе этот феномен рассматривается, в частности, в рамках концепции так называемой «пространственной фиксации» (*spatial fix*), сформулированной англо-американским социальным мыслителем Дэвидом Харви, преподавателем Лондонской школы экономики и политических наук, профессором Нью-Йоркского университета. В 2007 г. популярность работ Д. Харви оказалась настолько большой в научном сообществе, что он был включен в список самых цитируемых интеллектуалов в области гуманитарных и общественных наук по версии The Times Higher Education Guide. В теории «пространственной фиксации» (*spatial fix*) речь идет о геополитическом явлении территориального перемещения «центра силы» мирового сообщества, или «мирового центра развития», который последовательно «закрепляется» в различных географических точках земного шара, преследуя цель восстановления и коррекции мирового могущества после краха очередного международного очага политического доминирования.

Сам Д. Харви указывает на семантическую многозначность (полисемантическую) английского слова «fix», которая оказывается полезной для многогранности философского осмысления этого термина в политической науке [Harvey 2001]. Первое значение соответствует понятию закрепиться, зафиксироваться, что, собственно, и происходит в прямом смысле при перемещении мирового «центра силы» из одной географической координаты в другую. Вторая интерпретация представляется как выход из затруднительного положения путем «остановки» какого-либо негативного злокачественного процесса – его фиксации. Например, в случае болезненного состояния в медицине, после которого начинается переход к выздоровлению. Именно это и происходит при «фиксации» нового центра силы в новом месте, которое устраняет и преодолевает созданный кризис. Наконец, третье значение – это «исправление, починка, ремонт». Именно такой

процесс реализуется в случае образования нового «центра силы» – система мирового сообщества восстанавливается и возрождается через установление нового мирового порядка, новых правил игры и международных договоренностей между актерами на условиях вновь образовавшегося «центра развития».

Исторически первоначально такое средоточие всемирного влияния находилось в итальянских городах-государствах – Генуе и Венеции, которые долгое время соперничали между собой. Упадок их воздействия на мир сменился квази-имперским расширением «протогосударственного сообщества» нидерландских провинций. Это уже не были ограниченные пространства городов-государств. Через морские коммуникации они расширяли свое влияние и стремились к завоеванию центрального положения в ойкумене. Начался процесс формирования первой современной аутентично политической формулы государственности – «национального государства». Однако, как замечает Дж. Арриги, один из крупных представителей мир-системного анализа, Генуя не смогла стать гегемоном. Нисходящее торгово-экономическое и политическое развитие этих земель и их ослабление вызвало к жизни новую «пространственную фиксацию» мирового господства – островную Великобританию, которая впервые осуществила глобальный охват воздействия на человечество в форме *империи*. Одновременно выкристаллизовалась идея миссионерства и «цивилизационного превосходства и водительства» одного народа над другими. Британия стала не только страной, над которой никогда не заходило солнце, но и идеологически признанной «владычицей морей». Таким образом, она впервые реализовала поистине глобальный масштаб влияния и могущества, и одновременно продемонстрировала средство его достижения, «мягкую силу» той эпохи – заинтересованное глубокое исследование местности и народов, с которыми англичане входили в контакт. Кроме того, они обустроивали порты, подготавливая таким образом инфраструктуру для освоения территорий и акцентируя важность коммуникаций в глобальном завоевании мира.

С выходом на международную арену США как наследников предшествующих мировых «центров силы» связывают серьезные качественные изменения стратегии господства. Оно опирается на мощное милитаристское присутствие по всей планете в форме военных баз, а также финансовое доминирование. Эти формы однако все еще можно классифицировать как классические про-

явления имперскости. То радикально новое, что привносит с собой возвышение американского влияния, связано с переносом акцента на культурную составляющую доминирования. В этом отношении «американский век» являет собой промежуточное состояние между империей и гегемонией.

Открытый А. Грамши культурно-политический план гегемонии предполагает переход от радикального материального господства и завоевания к гегемонии в политической культуре и через политическую культуру. Проблемы руководства расширяются до уровня культурного верховенства, интеллектуального лидерства или морального превосходства. Гегемония как новая политическая стратегия поведения, в том числе и на международной арене, означает стремление представить свое доминирование как конкурентную форму политической культуры [Ерохов 2008]. Именно этим и отличается стратегия Америки, которая позиционирует себя как исключительную нацию, призванную принести миру неолиберальные ценности «демократии и свободы». Другой приметой классического колониального империализма было стремление к *материальному* господству над территориями, характерному для эпохи «национальных государств». Понятие «американский век» позволяет устраниваться от коннотации прямого «территориального захвата» и перенести акцент на глобальное универсальное влияние, характерное для власти как авторитета и гегемонии как «идейного водительства».

Стратегия «продвижения демократии» – это стратегия внешне гегемонистского типа, хотя цели, которые она преследует, остаются прежние – империалистические: захват новых зон влияния для выживания крупного капитала и выведения его из кризиса. Как показывает Джованни Арриги, проект «Нового американского века» с самого начала был настроен на полномасштабное мировое господство в пределах всей человеческой ойкумены. Составной и неотъемлемой частью этого плана было учреждение в конечном счете «мирового правительства» с центральной ролью в нем США [Arrighi 2014]. Предпочтительное использование словосочетания «американский век» вместо «империя» было изначально предназначено для того, чтобы завуалировать «территориальную логику власти» американского глобального проекта.

Такая позиция позволила сформулировать для «города и мира» имидж Америки как страны «исключительной и незаменимой» для сохранения безопасности и стабильности мирового порядка. Это составляет главное преимущество новой гегемонии перед

классической империей. И, действительно, империи, опираясь на прямое территориальное владение, открыты для сопротивления, в частности, со стороны аборигенов, которые рано или поздно начинают стремиться к независимости. К тому же огромный «территориальный груз» прямого правления приводит к материальному «перенапряжению». Империи, как свидетельствует история, рождаются, расцветают, приходят в упадок и гибнут. Мечта об «американском веке» подразумевала бесконечность и, тем самым, исключала какое-либо оспаривание американского господства.

Первой империей мирового масштаба, первым многонациональным государством с даннической империей по всему земному шару, подлинным «центром силы» стала Великобритания. Она смогла создать мировой баланс сил, осью которого неизбежно оставалась сама Британия, чей частный интерес стал «всеобщим» интересом для остальных частей мира – Европы и Америки. Ее положение подкреплялось тем, что после промышленной революции она превратилась в первую «мастерскую мира», а сопутствующая транспортная революция привела к тому, что Англия оказалась родоначальницей таких важных нововведений, как железные дороги и пароходы, превратившие мир в невиданную прежде единую и взаимосвязанную экономику [Арриги 2005].

Что касается следующего по времени «центра силы» – Соединенных Штатов, которые подхватывают эстафету мирового лидерства после Британии, то они представляют собой огромное национальное государство с подлинно общемировой системой, составленной на фундаменте транснациональных корпораций, военных баз и институтов мирового правления. Этот новый «центр силы» однако имеет в своей основе совершенно другой фундамент, нежели европейская модель развития. На место «национального государства» как матрицы мирового процесса приходит иная модель, которую современные авторы именуют «государством-предприятием». Этот паттерн лег в основание концепций «общества потребления», «массового общества», «консюмеризма» как главных направлений современного мирового социального движения, диктуемых в качестве особых «правил игры» новым центром силы – США.

Американское «государство-предприятие» как замещение европейского «государства-нации»

Как свидетельствует французский политический философ Пьер Мюссо, профессор информации и коммуникации в университете

Ренн-П, уже в первой половине XX столетия обозначилась тенденция смены привычной европейской парадигмы «государства-нации», составляющей прежнюю основу мирового порядка. В этот период началось формирование американского «Нового порядка», в основании которого лежит совершенно необычная категория «государства-предприятия», составляющего суть североамериканского административно-политического устройства.

Для европейского типа «государства-нации» было характерно доминирование «государственной идеологии», которая реализовывалась интеллектуалами, связанными с партийными структурами. Другими словами, речь шла о политической элите и о среднем эшелоне руководителей, которые тесно спаяны с классическими для Европы институциональными структурами. Известна формула производства такого типа гегемонии как «монополия государства на насилие». Это была форма преимущественно открытого, прямого принуждения. Американская модель административно-политического устройства постепенно вырабатывает иную форму властвования – гегемонии, которая воспроизводится через «предприятие». В современном мире она приобретает законченное выражение в лице так называемого «комменеджера» (неологизм, введенный П. Мюссо, который составлен из двух слов – «коммуникация» и «менеджер»). Он являет новый тип современного интеллектуала, или новой элиты, репродуцирующей гегемонию через идеологию «мягкой силы».

Такого рода интеллектуал нового типа обладает навыками убеждения, которые выходят далеко за пределы технологических функций, того, что называется «культурой предприятия». Помимо организационной ипостаси, он – специалист в области медиа технологий, маркетинга, финансов. Он направляет потоки информации, манипулирует символами и знаками. Подобные руководители считают себя «миссионерами» и «визионерами». Они продуцируют «верования», «ценности» и «смыслы», т.е. все то, что входит в сферу власти как гегемонии – разновидности косвенного принуждения. Этот тип современного «расширенного» интеллектуала получил преимущественное распространение в США, где формируется двойственная функция предприятия – экономико-идеологическая. Она распространяется как матрица на гражданское общество, на рыночную экономику, на государственный аппарат, на индивидуальную жизнь, на общество в целом. Подобный синтез, характерный для новой гегемонии «коммерциализации»

через массовую культуру, инициирует «процесс генерализации модели предприятия на все общество, что позволяет определить современную политическую американскую форму гегемонии как исходящую от предприятия-нации», – констатирует П. Мюссо [Musso 2007].

Исследователь замечает, что данную эволюцию отметил еще А. Грамши, который выделил три формы гегемонии с территориальной привязкой к Италии его времени. «Можно говорить, – писал он, – о трех итальянских столицах: Риме как административном центре государства буржуазного типа, о Турине как центре индустриального типа и о Милане как финансовом и коммерческом центре» [Musso 2007]. Выражаясь иначе, традиционная «римская» модель представлена элитой, связанными с аппаратом государства, «туринская» – с классическим типом элиты индустриального производства, а «миланская» являлась «архетипом» новой элиты, связанной с финансами, услугами и масс медиа.

В европейской модели гегемония продуцируется государственной бюрократией и традиционной партийно-бюрократической элитой. В современном американском обществе идеология исходит от предприятия и его менеджеров – таков американизм в его «естественном состоянии», констатирует П. Мюссо [Musso 2007].

«Редукция» национального государства идет по американскому сценарию создания Нового порядка, т.е. «Нового мира», который противостоит «Старому миру Европы», «Нового света» «Старому свету». Поскольку идеология может производиться непосредственно на «предприятии», в частности, «медиапредприятии», которое становится главным актором современного мира, аппарат государства оказывается излишним. Классическая европейская модель воспроизводила государство в качестве посредника между экономической основой общества и политической гегемонией. Американская модель позволяет «рационализировать» процесс и производить одновременно материальные блага и гегемонию. Политика и экономика сливаются, что составляет новую цивилизационную сущность США, которая перерастает в образец, «паттерн», распространяющийся не только на Старую Европу, но и на весь остальной мир.

Оппозиция американской и европейской модели проявляется в известном противопоставлении двух типов государственности – «слабого» американского государства (=«минимальное» либеральное государство) европейскому (=бюрократитизированному).

Рождается модель американской «символической экономики», когда смыслы, ценности, идеалы, проекты общественного устройства (т.е., по совокупности, общественное сознание), инициируются медиа-предприятиями. Эта «символическая экономика» образует противовес европейской «символической политике», в которой подобная функция имеет самостоятельный государственный статус. Согласно традиционной гегелевской формуле, именно государство в Европе всегда было органом, посредством которого сообщество «мыслило». Транснациональные предприятия, одновременно соответствуя идеологии и распространяя ее на новые территории («завоеывая новые территории»), становятся новыми суверенами, вытесняя суверенитет «прежнего образца» – суверенитет государства.

Концепт «американизма» актуализируется в современном понятии «голливудизма», который делает очевидным слияние культурной гегемонии и политики. «Голливудизм» – это дискурс «символической экономики». Он выполняет двойственную функцию, ибо, с одной стороны, распространяет американский образ на другие страны, завоевывает новые территории, а, с другой стороны, капитализирует его, делает американский образец новым идеалом и проектом. Символической фигурой «голливудизма» в этом отношении признается Билл Гейтс, который претендует на то, чтобы формулировать «новый проект» мирового бытия, указывать «дорогу в будущее». Он называет себя главным актором новой грядущей цивилизации – цивилизации цифры и Интернета, создающей новый Ренессанс, в котором он призван исполнить роль нового Леонардо. Свое место в конструировании грядущего мира он определяет даже не как миссию, а как творца новой религии. Он – типичный «менеджер-пропагандист как внутри, так и вне предприятия Майкрософт» [Musso 2007], замечает П. Мюссо, анализируя высказывания Билла Гейтса. «Голливудизм», таким образом, реализует «тихий» подрыв старой власти традиционного национального государства – процесс, который замечательно вписывается в концепцию А. Грамши о «позиционной войне», приходящей на смену прямому лобовому столкновению военного типа для завоевания территории противника.

Одновременно с распространением американского проекта «государства-предприятия» мы наблюдаем «вырождение» политики, прежде всего в европейском ареале. «Мы живем в эпоху, когда власть заявляет о своем собственном исчезновении»

[Legendre 1999, 64], пишет Пьер Лежандр, французский историк права. В этом плане символичной является фигура нового президента Америки Д. Трампа, который пришел в политику непосредственно из бизнеса, констатируя тем самым слияние предприятия и политики, фигур предпринимателя и политика. Он не является ни профессиональным политиком, ни партийным функционером, как это было принято в традиционной европейской модели.

Активная фаза планетарного распространения нового для мира американского паттерна наметилась в 1970-е гг. и проходила под внешней личиной «продвижения демократии». Знаменательно, что вероятность такой перестройки предполагал А. Грамши еще в 20-х гг. XX в., когда писал, что «Америка с ее подавляющим экономическим перевесом, скорее всего, *косвенным путем* принудит Европу перевернуть ее привычное социально-экономическое бытие» [Selection 1999]. Более того, методология реализации этого процесса, как это ни парадоксально, опирается сегодня на понятие, введенное в оборот политической науки итальянским философом. Речь идет о концепции «пассивной революции». Развитие отдельных положений этой теории составило сущность тех косвенных методов разрушения «культурного ядра» других стран, который прокладывает путь к «новой исторической эпохе» – американской. В частности, на положениях этой теории основано известное «руководство» по организации «оранжевых революций» – книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения», изданная в США 1993 г. Именно этот процесс мы ныне наблюдаем, хотя именуем его иным термином – «цветная революция».

А. Грамши считал, что подрыв основ существующей власти происходит «молекулярным путем», через постоянное, многократное повторяемое, почти неосоздаемое воздействие на общественное сознание обычных людей, через каждодневную трансформацию их мнений, суждений, настроений. Для этого используются масс медиа и информационное пространство в целом, в котором транслируется «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» [Кара-Мурза 2006].

Неудивительно, что эта теза составляет фундамент, более того, подготавливает инфраструктуру для беспрепятственного движения к мировой гегемонии.

«Информационное общество» как инфраструктура мировой гегемонии

Одна из интерпретаций теории пространственной фиксации капитала Д. Харви указывает на прямое, буквально физическое, его «закрепление», «закапывание» в землю. Речь идет о созидании инфраструктуры, которая необходима для функционирования самого капитала. В зависимости от стадии технологического развития, в разные периоды истории таким имущественным фундаментом были порты, железные дороги, аэропорты, газопроводы, оптоволоконные кабели. В целом же, «закрепление» в инфраструктуре, соответствующей определенной технологической эпохе, например, сегодня – в виде «информационной революции», подготавливает почву для закрепления самого «центра силы» или его власти на глобальном уровне. «Информационная инфраструктура» формирует то самое гомогенное пространство, которое необходимо для беспрепятственного функционирования этого центра.

Исторически каждому новому географическому смещению мирового «центра силы» соответствовала трансформация коммуникационной основы, которая связывает пространство воедино. Господство Венеции и Генуи ограничивалось Средиземноморьем. Переход власти к Нидерландским провинциям совпал с расширением морского владычества благодаря эпохе Великих географических открытий. Однако подлинное мировое господство впервые выпало на долю Британии, которое подкреплялось индустриальной революцией, давшей миру качественно новые коммуникационные возможности из-за открытия беспроводной связи. Наконец, последнее по времени глобальное доминирование – США – опиралось на цифровую революцию, которая включила в зону своего влияния все стороны общества, образуя новую его разновидность – «информационное общество».

Возвышение Британии совпадает с архитектурой коммуникационных потоков XIX века, которая выстраивается по образу и подобию иерархизированной структуры британского мирового пространства. С развитием телеграфа сооружается сеть подводных телеграфных кабелей, все нити которой сходятся в одном центре – Лондоне, столице Викторианской империи, проложив-

шей свою первую подводную кабельную нить между Дувром и Кале в 1851 г. и закончившей опоясывать земной шар в 1902 г. благодаря транстихоокеанскому коммуникационному каналу. Восточная телеграфная компания Англии приобретает таким образом монополию на мировые коммуникации, а все великие державы того времени вынуждены обращаться к ней за посредничеством в этой области. Непосредственным следствием такого положения дел становится стратегическое преимущество внешней политики Великобритании.

Тот же процесс происходит полтора века спустя, когда мировой «центр силы» смещается в Америку. Место подводной телеграфной связи занимает Интернет-сеть. Глобализация сетей перестраивает пространство-время, принимая эстафету от эры английской «промышленной революции» и передавая ее «глобальному информационному обществу» [Mattelart 2014]. Окончание «холодной войны» и распространение Интернета формируют новую конфигурацию сети, которая соответствует геостратегическому мышлению американских военных и дипломатов и новому образу мировой гегемонии. Ключевыми условиями для навязывания политической повестки дня другим странам становятся, с одной стороны, методы «кибервойны» и «хирургических ударов», а с другой стороны, «мягкая сила», которая основана на контроле над всеми звеньями информационного комплекса. Выстраивается технократический проект «глобального информационного общества».

Как показывает Арман Маттелар, франко-бельгийский социолог, автор крупных исследований в области культуры и коммуникаций, «информационное общество» представляет собой искусно сконструированную категорию, причем безо всякой «ратификации» со стороны граждан [Société 2006]. Первоначально представлялось, что беспрепятственное циркулирование информации может стать гарантом нового образа жизни – транспарентного и децентрализованного. Именно такие иллюзорные надежды питал «отец» кибернетики Норберт Виннер, предоставляя человечеству новый ресурс, по ценности сродни невиданным доселе природным ископаемым, – информацию, которая должна была породить новый промышленный переворот, новую «промышленную революцию». Однако «холодная война» положила предел подобным эмансипаторским надеждам. Уже с 1947 г. исследования и разработки новых информационных технологий целиком и полностью оказываются на балансе Пентагона, обе-

спечивая в итоге взлет IT-технологий в качестве материальной базы военно-стратегического сектора. Первая телематическая система была внедрена в 1955 г. в сфере американской обороны воздушного пространства. С этого момента категория «информационного общества» начинает выстраиваться как опора новой гегемонистской идеологии.

Ведущим принципом новой доктрины гегемонии становится «глобальное информационное доминирование», которое сопровождается дискурсом кибервойны как «чистой войны», «войны с нулевой смертностью», войны, оперирующей «хирургическими ударами» и влекущей «сопутствующий ущерб». Для ее обозначения стратегиями сетевой войны даже разрабатывается специальный термин – «ноополитика», или «война знаний» (*la noopolitique, la guerre de la connaissance*) [Société 2006]. Проект «информационного общества» окончательно оформляется как «проект глобального информационного общества». Его радикальная новизна заключается в тотальном характере контроля, а информационная война превращается в средство борьбы с новым глобальным врагом. Значительно расширяется сфера компетенции пропаганды, манипуляций, медиа-лжи. Искаженная информация распространяется через репортажи, транслируемые по национальным телевизионным каналам, усиливается коррупция журналистов, подавление общественных дискуссионных пространств. Именно эта стратегическая доктрина сохранения культурной гегемонии получила название «мягкой силы».

В условиях, когда мировое господство, скрывая свою империалистическую сущность, предпочитает называться гегемонией, «информационное общество» как культурологическая сублимация его материальной инфраструктуры становится в оппозицию политическому суверенитету, становится антитезой мирового суверенитета. Ранее границы суверенитета определялись в рамках права, инструментами воздействия на него были договоры и международные институты. В процессе глобализации появились новые акторы (например, ТНК), для которых суверенитет государств является помехой, и они пытаются ему противодействовать. К настоящему времени в один ряд с этими акторами встало информационное воздействие и само «информационное общество» как его производное.

Если прежде суверенитет соотносился с военным могуществом, то сегодня таким оружием становится «информация». В основе всякого успешного действия лежит правильное знание

о ситуации. Превратное понимание ситуации ведет к ошибочным поступкам и в конечном счете к зависимости и подчиненности в международной расстановке сил. Соответственно, «информационное общество» превращается не в область «свободного взаимодействия» как его пытаются представить массовому сознанию, а «полем боя», исходом которого определяется независимость и самоидентификация народов.

В этом отношении симптоматичны те изменения, которые претерпел в процессе своей эволюции смысл базового понятия «информационного общества» – концепта «информации». Французский аналитик Эрвэ Бюрдэн сопоставил дефиниции информации, которые последовательно давались в двух изданиях такого авторитетного источника как Словарь французской Академии – в 1932–35 гг. и в 1998 г. В итоге кропотливого исследования выяснилась интересная деталь. Старое издание, при всех нюансах, однозначно связывало интерпретацию информации с понятиями «истины» и «знания». В 30-х годах XX века информация рассматривалась как «изыскания, которые производятся с целью получения истинного знания о вещах, поведении и нравах» [Burdin 2010]. По свидетельству этого словаря, в области юриспруденции информация также воспринималась как условие установления истинного положения дел через расследование с обязательным *предоставлением весомых доказательств*, чтобы избежать любых домыслов и искажений.

Современное издание отличается прежде всего немислимым ранее по масштабам расширением толкования информации, которое далеко выходит за пределы юридического поля. В правовом пространстве глагол «информировать» (informer) употребляется редко, его заместил глагол, который по значению ближе к понятию «инструктировать» (instruire). Добавляются аспекты медийный и научно-технологический, связанные с кибернетикой и биологией. Информацию не «ищут», ее «дают» или «добывают». Этимология слова «информировать» поясняется как «формировать, представлять, придавать форму», что полностью лишает это понятие нейтральности, какая имела ранее. Субъект, ищущий истину, превращается в *объект информирования*. При этом, слово «истина» исчезает полностью. Ни в одном из значений – бытовых, правовых, медийных, цифровых – оно не фигурирует. Эта коннотация полностью изымается из лексики и употребления. Сегодня речь идет не о поиске «истины», а о «сборе данных» об

объекте. Абсолютный принцип уступает место относительному, релятивизируется. Субъектность исчезает, ее место занимают два полюса – распространитель информации и получатель, эмитент и реципиент (*émetteur et récepteur*).

В информационной политике появляется такая идея как формирование «относительно гомогенного габитуса», который генерирует у индивидов одинаковые и независимые от их национальной принадлежности знания, способности, навыки и действия. Выкристаллизовывается система «экзовоспитания» (*un système «exoéducatif»*) [Ferry 1998] – «внешнего воспитания», призванного вывести человека за пределы его родной культурной среды.

Ядро этой системы сегодня составляет «медиа культура» (*culture médiatique*), которую продуцируют ТВ и киберпространство. Ее призванием является широкое, желательно планетарное, распространение так называемых «глобальных стилей жизни» (*global lifestyles*), которые, по сути, есть калька с американских образцов. Как отмечают исследователи, эта новая «медиакультурная» культура радикально отличается от традиционной европейской, которая была по преимуществу письменной культурой, культурой книги и текста. Она призвана разрушить эту традиционную культуру, которая составляла фундамент европейских наций. Отсюда стратегическая важность расширения аудиовизуального пространства и, соответственно, практик «информационного общества». Данная стратегия получила наименование «супранациональной», наднациональной стратегии интеграции населения. Понятно, что она не может и не ставит своей целью достичь подлинной солидарности в обществе. Уважение культурно-национальных образований в ней – чисто риторическое, а ее истинное намерение – создание сверхцентрализованного мирового сообщества с единым управленческим центром.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что американское лидерство уникально не только потому, что впервые в истории возник проект целиком однополярного мира с претензией на поистине глобальное влияние, но и то, что впервые на одном полюсе мира был сосредоточен очень большой спектр лидерства – экономический, финансовый, политический, военный, технологический, идеологический, культурный.

Сегодня, однако, идет процесс противоборства между американским глобальным доминированием и новыми игроками на

международной арене, в первую очередь Китаем и Россией. Симптоматично при этом, что в ходе развития Китай придает приоритетное значение учреждению независимой информационной инфраструктуры. Огромные усилия прикладываются для полного и всестороннего освобождения от любого импортного программного обеспечения.

Таким образом, мы являемся свидетелями начала процесса смены вех «пространственного закрепления». Китай становится не только географически новым эффективным производственным регионом, но и, вероятно, новым или одним из новых «центров силы», «центров мирового развития», в перспективе призванных заместить господство США. В то же время, идут бурные цивилизационные подвижки в южно-азиатских, ближневосточных и южно-американских регионах, а также на огромном пространстве российского государства-цивилизации. Однако абрис нового мирового порядка и принципы его построения пока окончательно неясны. Очевидно одно – Россия, как и Китай, оказалась в эпицентре главного противостояния нового столетия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арриги 2005 – *Арриги Дж.* Утрата гегемонии – II // Прогнозис. 2005. № 3(4). С. 6–36. – URL: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf

Ерохов 2008 – *И.А. Ерохов.* Грамшианская теория гегемонии в перспективе современной социально-политической критики. Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppu_1/5.pdf

Кара-Мурза 2006 – *Кара-Мурза С.Г.* Революции на экспорт. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. – URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/192097-teoriya-molekulyarnyh-revolyuciy-antonio-gramshi.html>

Arrighi 1999 – *Arrighi G., Silver B.* Chaos and Governance in the Modern World System. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Arrighi 2014 – *Arrighi G.* Le début de la fin de l'hégémonie américaine // Agone. 2014. No. 3. P. 65–110. – URL: <https://www.cairn.info/revue-agone-2014-3-page-65.htm>

Burdin 2010 – *Burdin H.* Souveraineté et information // Prospective et stratégie. 2010. No. 1. P. 127–144. – URL: <https://www.cairn.info/revue-prospective-et-strategie-2010-1-page-127.htm>

Ferry 1998 – *Ferry J.-M.* Identité postnationale et identité reconstructive // Toudi mensuel. 1998. No. 11. Mai. – URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive>

Guerlain 2007 – *Guerlain P.* Le retour du discours impérialiste aux États-Unis // Revue française d'études américaines. 2007. No. 3. P. 5–25.

Harvey 2001 – *Harvey D.* Globalization and the “Spatial Fix.” January, 2001. – URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-bp/frontdoor/deliver/index/docId/2251/file/gr2_01_Ess02.pdf

Joxe 2002 – *Joxe A.* L’empire du chaos // *Revue du MAUSS*. 2002. No. 2. P. 171–177.

Legendre 1999 – *Legendre P.* Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques. – P.: Fayard, 1999.

Mattelart 2014 – *Mattelart A.* Mais qui contrôle les réseaux ? // *Le Monde diplomatique*. – P. 2014. Septembre. – URL: https://www.monde-diplomatique.fr/publications/manuel_d_histoire_critique/a53290

Musso 2007 – *Musso P.* Pour une critique du « capitalisme informationnel » // *Nouvelles Fondations*. 2007. No. 2. P. 110–122. DOI: 10.3917/nf.006.0110. – URL: <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm>

Selection 1999 – Selection from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci. – London, 1999. – URL: <http://abahlali.org/files/gramsci.pdf>

Société 2006 – Société de la connaissance, société de l’information, société de contrôle. Entretien avec Armand Mattelart // *Cultures & Conflits*. 2006. No. 64. P. 167–183. – URL: <http://journals.openedition.org/conflits/2051>

Steinmetz 2008 – *Steinmetz G.* Empire and domination mondiale // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. No. 1. P. 4–19.

Vaicbourdt 2012 – *Vaicbourdt N.* L’empire de la Liberté ou le déni d’Empire américain // *Monde(s)*. 2012. No. 2. P. 67–77.

REFERENCES

Arrighi G. (2005) Loss of hegemony-II. *Prognosis*. No. 3 (4). P. 6–36 Retrieved from http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf (in Russian).

Arrighi G. & Silver B. (1999) *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Arrighi G et al. (2014) Le début de la fin de l’hégémonie américaine. *Agone*. 2014. No. 3, pp. 65–110. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-agone-2014-3-page-65.htm>.

Burdir H. (2010) Souveraineté et information. *Prospective et stratégie*. No. 1, pp. 127–144. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-prospective-et-strategie-2010-1-page-127.htm>.

Ferry J.-M. (1998) Identité postnationale et identité reconstructive. *Touidi mensuel*. No. 11. Mai. Retrieved from <http://www.larevuetouidi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive>

Guerlain P. (2007) Le retour du discours impérialiste aux États-Unis. *Revue française d’études américaines*. No. 3, pp. 5–25.

Erokhov I.A. (2008) Gramscian theory of hegemony in the perspective of contemporary socio-political criticism. In: *Political and Philosophical*

Yearbook 2008. No. 1. Retrieved from https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/pp/pppy_1/5.pdf (in Russian).

Harvey D. (2001) *Globalization and the “Spatial Fix.”* Retrieved from https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-bp/frontdoor/deliver/index/docId/2251/file/gr2_01_Ess02.pdf

Joxe A. (2002) L’empire du chaos. *Revue du MAUSS*. No. 2, pp. 171–177.

Kara-Murza S.G. (2006) *Revolution for Export*. Moscow: Exmo, Algorithm. Retrieved from <https://oko-planet.su/politik/politiklist/192097-teoriya-molekulyarnyh-revoljuciy-antonio-gramshi.html> (in Russian).

Legendre P. (1999) *Sur la question dogmatique en Occident. Aspects théoriques*. Paris: Fayard, 1999.

Mattelart A. (2014) Mais qui contrôle les réseaux ? *Le Monde diplomatique*. P. Septembre. Retrieved from https://www.monde-diplomatique.fr/publications/manuel_d_histoire_critique/a53290

Musso P. (2007) Pour une critique du « capitalisme informationnel ». *Nouvelles Fondations*. 2007. No. 2, pp. 110–122. DOI: 10.3917/nf.006.0110. Retrieved from <https://www.cairn.info/revue-nouvelles-fondations-2007-2-page-110.htm>

Gramsci A. (1999) *Selection from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. London, 1999. Retrieved from <http://abahlali.org/files/gramsci.pdf>

Société de la connaissance, société de l’information, société de contrôle. Entretien avec Armand Mattelart (2006) *Cultures & Conflits*. No. 64, pp. 167–183. Retrieved from <http://journals.openedition.org/conflits/2051>.

Steinmetz G. (2008) Empire et domination mondiale. *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. No. 1, pp. 14–19.

Vaicbourdt N. (2012) L’empire de la Liberté ou le déni d’Empire américain. *Monde(s)*. 2012. No. 2, pp. 67–77.